

Возвратившись из Суздаля.

Жив кафедральный собор – мощами живых во Христе... теплотою произносимых и затаённых молитв... жаром пробуждающихся сердец... непрерывным таинством литургии, проникновения Спасителя в человеческое естество... - жив. Жив образом, объёмлющим жизнь. Пространственный образ Суда – самое значительное из образных облачений совершаемого таинства – образом облачается во Христа литургия, облачается Христом дыхание живых мощей. Литургия рекою живой, животворящей воды омывает иссохшие обрубки духовного древа. Образ – тёплым облачением овеивает, облакает, словно бы Христом и во Христа – наше бытие, нашу во-ображённую молитву внутри символа. В силах ли образ охранить это дыхание, оживить, преумножить, разогреть собою молитвенное биение моего сердца, вдохновить его. Воистину дышит и вдохновляет единственно Господь, Дух Святой, воздыхающий, как того пожелает Сам. Образу возможно быть проводником этого духоносного дыхания Духа. Образу возможно быть преугодителем нашего ответного дыхания, охранителем его, как бы тёплым коконом, скорлупой моего эмбриона во Христе. Но зародить жизнь, испещрить её в утробе бытия, вдохновить, возрастить, преумножить, выявить во свет Господний... не в силах образ. Силы вообще не есть принадлежность образа... но могут быть преподаны через, сквозь него. Но даже и проявляясь из образа – не от образа исходят силы и дыхание Духа исходит из областей недостижимых. Почитаем образ, принимаем к нему и не ищем сил в ответ, не ждём дарований от образа, даже и моля о них, как о милости недостойному – милости Божьей... но не об истечении милости через образ к нам. Но так обильно животворят эти образы живые, животворит Господь через них, источая росу и влагу Духа Своего... животворит через образы, несомненно, сотворённые в Духе, веянием Духа Святаго. Словно бы соком земли сочится свежесрубленный ствол – так свидетельствует о Себе Дух, изливающийся через образ. Вот уже почти девять столетий – исходит благодать Его от стен храма, больше шести столетий – от фрескового космоса в нём. И не иссякает этот источник... но где исток ему – неведомо нам, утоляющимся досыта, сполна, ободряющимся и освежающимся на земном пути. Исток – Сам Христом... так он Сам свидетельствовал о Себе – пьём Его, насыщаемся, утоляем себя Им. И погибли бы, давно и насовсем исчезли без этого утоления, без Него.

... иное – у корней иссохших или иссыхающих при сохранившемся срезе, у древа, пусть и не упавшего, но скриплого на сухих корнях. Или вот ещё – подменено это бывшее древо пластиковым, да электрическим новоделом, стилизованным под... да что там, в точности повторённым технологично, аутентично так... не отличить. Сотворён этот новодел на месте осквернённом... и не дышит Дух, не хочет – и не дышит, - не принудишь Его видимой красотой, технологичностью, внешним сходством, стилизованной лепотой. А не хочет дышать здесь. Выкрашено, восстановлено древо на сухих корнях прицеплены листья, навешены плоды... - а всё повапленный гроб. И не дышит в этих кронах веяние тихое и животворно-живое... не дышит... не красуется на этих ветвях душистые плоды райских кущей. От того ли, что иссякла здесь литургия – не живёт ничто, не пульсирует, как естественное течение таинственных соков по стволам, ветвям, плодам – естество Божие, плоть и кровь Христова. Осталась лишь преступно похожая видимость, внешность, напоминающая красоту живую, вдохновенную, естественно дарованную, как жизнь. И нет этой жизни, коли нет живого Христа внутри видимости. Одно лишь болезненное воспоминание, напоминание о былом. Внешне подобие умершему – портрет на саркофаге, внутри которого тлен и плач об утраченном. Портрет... совсем как бы живой смотрится. Бреду в пейзаже по заливному лугу вдоль пластиковой реки православной пасторали, эклоги, идиллии, облачающей и обличающей трагедию и молитву ко Христу, о Христе, о возвращении Его в наши... в мои повапленные пустоты.